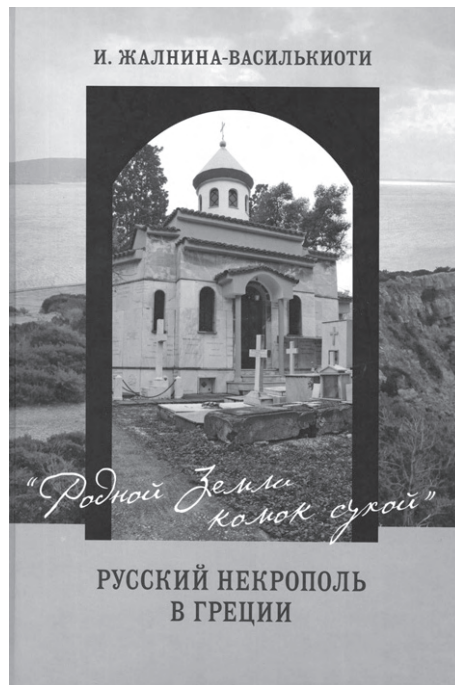

ОЛЕГ АУРОВ

У далеких берегов

Эта книга сильно отличается от многих из тех, которые посвящены судьбам представителей белой эмиграции, волей истории оказавшихся в изгнании и умерших на чужбине. Она не из модных ныне попыток возвеличить «белое дело» и не очередная анафема в отношении дела «красного». Она — о живой человеческой боли, которая ощущается от первой до последней ее страницы. Составитель книги — наша соотечественница Ирина Леонидовна Жалнина-Василькиоти, выпускница Московского университета, искусствовед по специальности, — выражает эту боль предельно откровенно: «Путешествуя в поисках русских захоронений по всей Греции, автор этой работы видел десятки иностранных некрополей: турецкое военное кладбище в Афинах, многочисленные английские, французские, сербские, итальянские, немецкие, католические, еврейские, протестантские

И. Жалнина-Василькиоти.
«Родной земли комок сухой».
Русский некрополь в Греции.
М., «Книжница»; «Русский путь»,
2012. 272 с.: ил.

и многие другие. Все они в идеальном, ухоженном состоянии и ни одно из них не разрушено. И только русским костям не нашлось достойного упокоения в этой земле. Только наш некрополь годами больше напоминал помойку, чем исторический памятник» (С. 257).

Увы, если бы так было только в Греции! Более того, если бы так было только за границей! И еще более — если бы так было только с некрополями.. Но, к сожалению, все обстоит по-другому. Русские, и дома, и на чужбине не устающие чванливо повторять, что явля-

лись и даже являются «великим народом», отличаются колоссальной степенью беспамятства. Все это — следы чудовищной катастрофы первых десятилетий XX века, распада государства, всплеска анархии и насилия, но в первую очередь — глубочайшего презрения к отдельно взятой человеческой жизни, плод потрясений

АУРОВ Олег Валентинович — доцент, кандидат исторических наук.

Ключевые слова: Россия, Греция, эмиграция, некрополь, Русское военное кладбище, Афины, Пирей, Салоники, Гражданская война, Первая мировая война, Вторая мировая война, королева эллинов Ольга.

эпохи войн и революций, да и не только их. Поскольку ничем иным, кроме глубокого посттравматического синдрома, невозможно объяснить ту легкость, с которой из национальной истории навсегда вычеркивались миллионы соотечественников, которых следовало не только победить, но и забыть. Их и забыли. И нация, превратившаяся в «иванов, не помнящих родства», жившая исключительно сегодняшним днем, со всей жестокостью получила по счетам истории. Ее государство разрушено, ее культура в глубоком кризисе, а главное — она навсегда вычеркнута из перечня государств-вершителей мировой истории.

Не пора ли наконец понять, что культура — это не игрушка, придуманная бездельниками-интеллигентами, а основа самого существования нации, ее самосознания, которое отнюдь не вечно и нуждается в постоянной поддержке? И что, в свою очередь, память о прошлом — это ее фундамент, без которого все остальное теряет смысл.

Не знаем, наступил ли уже для России ее «менэ-текэл-фарэс», но даже если ее судьба predetermined, все равно еще не поздно оглянуться назад и почтить память ушедших соотечественников — и великих, и простых людей, сотни имен которых удалось восстановить кропотливым трудом И. Л. Жалниной-Василькиоти. Она провела поистине колоссальную работу в архивах России и Греции, находилась в длительной переписке с потомками эмигрантов, буквально по крупицам собирая необходимые сведения; она провела значительное время в поездках по Греции, где ею был выявлен целый ряд ранее неизвестных русских некрополей разного времени. (И все это, заметим, без малейшей материальной поддержки — как со стороны «великой России», так и со стороны частных спонсоров.) Косвенным свидетельством ее колоссального труда являются уже первые страницы книги (см. С. 5—6), содержащие выражения признательности автора десяткам учреждений и лиц: их перечень настолько велик, что остается только догадываться, сколько времени и сил ушло

на одно лишь установление контактов со всеми этими людьми.

Но, как свидетельствует содержание книги, результаты исследования того стоили. Прежде всего, И. Л. Жалниной-Василькиоти удалось собрать исчерпывающие сведения об истории русского некрополя в Греции, в первую очередь Русского морского кладбища в Пирее, некогда — одного из наиболее масштабных из всех русских захоронений на Балканах. Оно было основано по инициативе королевы Ольги (1851—1926), бывшей великой княгини Ольги Константиновны, внучки императора Николая I, дочери великого князя Константина Николаевича, вышедшей в 1867 года замуж за «короля эллинов» Георга I (1863—1913). Королева, дочь генерал-адмирала русского флота, была изначально особо расположена к морякам. Отсюда — и ее забота о создании русского военно-морского кладбища в 1888 году, на которое были перенесены останки из ряда более ранних русских захоронений (самое раннее из сохранившихся на кладбище надгробий датируется 1844 годом), и попечение о его расширении в 1891 году, и основание Русского военно-морского госпиталя в 1896 году, осуществленное на ее личные средства, и др. Следует пояснить, что в XIX — начале XX века Пирей и остров Порос являлись базой кораблей русского флота, несших службу в Средиземном море. Отсюда такое внимание к морякам — тем, само присутствие которых являлось одной из главных гарантий греческой независимости (см. С. 10—11, 13). О значении кладбища говорит уже тот факт, что установку на нем памятника русским воинам, погибшим и умершим в Греции, курировал сам император Александр III (см. С. 15—16).

Отдельный сюжет исследования И. Л. Жалниной-Василькиоти — история присутствия в Греции Русской православной церкви в той ее части, которая имеет непосредственное отношение к судьбам русского некрополя. Официальные межцерковные отношения были установлены в 1833 году; вскоре после это-

го возникла посольская церковь, среди настоятелей которой было немало ярких людей, талантливых пастырей (см. С. 12 и далее). Как правило, именно в ведении приходских священников находились и русские кладбища.

Следует подчеркнуть, что русские, погибшие и умершие в Греции, похоронены далеко не только на Пирейском военно-морском кладбище. Роль русского фактора в истории Греции резко возросла в конце XVIII века, в годы русско-турецких войн Екатерины II. По данным И. Жалниной-Василькиоти, в 1770 году на греческой земле были похоронены солдаты и матросы, павшие при штурме крепости Мидон в Наваринской бухте; русские захоронения остались на островах Парос (в XVIII веке он некоторое время являлся базой русского флота), Китира, Митилини, Лемнос, Закинтос, Корфу, Кефалонья, Левкада, Крит и др. А затем были еще Наваринская битва 1827 года, победа в которой была оплачена сотнями русских жертв. Наконец, с возникновением греческого государства в этой стране сложилась небольшая, но постоянная русская колония, состоявшая из служащих посольства и консульств, причта русских церквей, флотских офицеров и членов их семей, солдат, матросов и др. Некоторые из этих людей (в частности офицеры и нижние чины, находившиеся на излечении в госпитале в Пирее и умершие от ран и болезней) также находили вечный приют на греческой земле. В годы Первой мировой войны к ним добавились погибшие на Македонском фронте, где с 1916 года воевало почти 20 тысяч солдат и офицеров.

Однако ситуация коренным образом изменилась в конце второго десятилетия XX века, в трагический период великого рассеяния. Первый значительный поток русских хлынул в Грецию в апреле 1919 года с Юга России, после первых поражений белых и интервентов в этом районе. Затем в Салоники и Афины стали прибывать суда с ранеными солдатами и офицерами белых армий. В частности, только на пароходе «Херсон», вышедшем из Новороссийска 6 марта 1920 года, находи-

лось 1042 раненых и больных военнослужащих (см. С. 20). Кроме того, уже к маю 1920 года в Греции оказалось 3500 гражданских беженцев, а после падения врангелевского Крыма их число значительно возросло.

Уже в 1919 году стали возникать лагеря беженцев. Для их обустройства в начале этого года был создан Союз помощи русским в Греции во главе с С. И. Демидовой, супругой русского посла в Афинах Е. П. Демидова. С конца 1920 года активное участие в этой работе приняла вернувшаяся в Грецию вдовствующая королева Ольга (в 1913—1918 годах, после смерти мужа, проживавшая в России). Именно тогда, по личному приглашению от королевы и греческого правительства, в страну были приглашены офицеры, в прошлом служившие на Средиземном море (см. С. 21).

Однако положение русских в Греции неожиданно резко ухудшилось по независящим от них обстоятельствам. 1921 год принес Греции настоящую катастрофу. Поражение греческой армии в войне с кемалистской Турцией обернулось геноцидом греческого населения Анатолии и колоссальным наплывом беженцев, число которых превысило 1,2 миллиона человек; по понятным причинам, греческим властям стало не до русских. Более того, подчас именно русские — наиболее незащищенные и бесправные — страдали в первую очередь. Их положение оказалось тем более драматичным, что в 1922 году страну (вместе со своим сыном, королем Константином I (1913—1917, 1920—1922), на которого была возложена ответственность за анатолийскую катастрофу) покинула королева Ольга — покровительница русских беженцев. В этих условиях греческое правительство с русскими откровенно не церемонилось. В 1921 году властями был изъят госпиталь Русского отделения Красного Креста и госпиталь Хаджикирьякион. В 1925 году такую же судьбу разделил и русский военно-морской госпиталь в Пирее. Тогда же был конфискован русский храм св. Ольги, построенный при госпитале (лишь в 1930 году удалось до-

биться отмены этого противозаконного решения).

Положение русских эмигрантов предельно осложнилось. Современник, посетивший Грецию в тот период, замечает: «В смысле приискания заработка в Греции всегда было неважно, теперь же, после катастрофы в Анатолии, особенно плохо. Контр-адмирал Плотто занимается настройкой пианино, контр-адмирал князь Путятин рисует акварели, флота генерал-майор Шумов работает простым рабочим на фарфоровом заводе, старший лейтенант Гипарис, носящий греческую фамилию и знающий греческий язык, служит чертежником и т. п.» (С. 24). И надо полагать, всем перечисленным еще повезло: трудно было найти даже самую простую работу, требующую грубого физического труда. Бедность и недоедание становились постоянными спутниками жизни. Открывались старые раны. Надвигались болезни.

Новые испытания настали после 1924 года, когда правительство только что установленной Второй греческой республики (1924—1935) установило дипломатические отношения с Советским Союзом, в экономических отношениях с которым оно было крайне заинтересовано. Это немедленно отразилось на белоэмигрантах: колония стала терять собственность, некогда приобретенную на деньги Российской империи, прежде всего — русские больницы в Афинах и Салониках. В распоряжении эмигрантов остались только бараки для русских беженцев при 4-м госпитале Русского общества Красного Креста и церковь: они просуществовали до 1930 года. Затем последовала и их очередь. Последний барак был отобран в 1932-м.

В этих условиях русское кладбище в Пирее (да и не только оно одно) прирастало новыми могилами. Хоронили торжественно: гроб застилали боевыми знаменами, хранившимися в храмах, отпевали в одной из русских церквей, почти всегда в могилу бросали горсть родной земли, взятой с собой при эвакуации. Именно об этой традиции говорится в стихотворении штаб-ротмистра Николая

Михайлова, погребенного в Пирее, отрывок из которого вынесен в заглавие книги И. Л. Жалниной-Василькиоти: «Из всех сокровищ жизни прошлой / Одно сберечь я свято смог / В борьбе за жизнь, в тревоге пошлой: / Родной земли сухой комок»; и далее: «Сберег я свято для могилы — / Родной земли сухой комок» (С. 27).

Русские кладбища, почва которых была перемешана с «сухими комками» русской земли, воспринимались эмигрантами как последняя доступная им часть России, мечтой о возвращении в которую эмигранты «первой волны» поддерживали себя до конца жизни. Отсюда — столь внимательное отношение к уходу за кладбищами. Эту миссию, среди прочих, взял на себя созданный в 1927 году Союз русских эмигрантов в Греции (СРЭ), многолетним главой которого являлся бывший генеральный консул в Пирее Иван Николаевич Хаджи-Лаззаро (1880—1960). При Союзе были созданы и два кладбищенских комитета: один — для русского участка кладбища в Пирее, другой — для такого же участка 3-го кладбища в Коккинье (Афины); назначались особые уполномоченные по делам кладбищ, старосты, производились ежегодные проверки финансовых отчетов. Комитет строго следил за продажей земельных участков только представителям белой эмиграции, за внесением платы по обслуживанию могил и за поддержанием общего порядка.

Сказанным не исчерпывается ни история русской эмиграции в Греции, ни история русского некрополя. В 1940 году Германия и ее союзники оккупировали страну. Русские эмигранты вместе с местными жителями терпели голод и лишения, принесенные оккупационным режимом. Но лишь немногие из них — 58 человек из тысяч русских, проживавших в Греции, — присоединились к корпусу генерал-майора Сородумова, воевавшему на стороне немцев. Наоборот, небольшая часть членов СРЭ в 1939 году создала антифашистскую организацию «Оборонец» (во главе с Н. В. Шейкиным-Дулгером), действовавшую в интересах союзников.

Отдельная славная страница истории «русской Греции» — участие бежавших из плена советских военнопленных в борьбе греческих партизан Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС). На сегодняшний день известно несколько десятков случаев участия бежавших из германских лагерей военнослужащих Красной Армии в партизанском движении на территории Греции. К сожалению, не всем удавалось бежать. Так, в 1959 году недалеко от города Ханья было обнаружено захоронение советских солдат, расстрелянных немцами в концентрационном лагере, который находился на этом месте во время войны. Впоследствии им был поставлен памятник. Эти жертвы — лишь капля в море трагедий, но и они оставили след в истории русского некрополя.

Сказанное в полной мере объясняет многочисленность русских захоронений в Греции, выявленных И. Л. Жалниной-Василькиоти. Следует подчеркнуть, что хотя она далеко не первой приступила к этой важной работе (следует отметить работы Л. М. Савелова-Савелкова, Н. А. Самоловой-Савелковой, М. Г. Талай, М. Йованович, Г. Ипполитова и др.), тем не менее на сегодняшний момент именно ее книга содержит наиболее полную информацию о русском некрополе в Греции. По собранным автором данным, уроженцы России (разумеется, далеко не только русские), помимо Русского морского кладбища в Пирее (ныне — на территории Афин) и русского участка 3-го афинского кладбища в Коккинье, покоятся также на кладбищах бывшего Русского старческого дома им. великой княгини Елены Владимировны (см. С. 141—152), ряде кладбищ в окрестностях Афин (1-е и 2-е афинские городские кладбища, кладбище в районе Ксарьяни, кладбище у русской Свято-Троицкой церкви в Афинах и др.; см. С. 153—164), военном кладбище Зейтенлик (как на русском участке, так и в других местах; см. С. 165—193), британских военных кладбищах Брало и Микра (Салоники; см. С. 194—196), муниципальном кладбище Каламарья (Салоники), где, в частности, есть отдельный русский

участок (см. С. 197—235), других кладбищах Салоник и окрестностей города (Этсихонское кладбище, кладбище Ореокастро и др.; см. С. 236—256).

Последующие исследования покажут, насколько полон этот перечень. Однако уже сейчас он впечатляет и требует заботы не только общественности, но и государства. Речь идет не столько о материальной помощи (хотя и о ней тоже: поддержка из эмигрантских фондов перестала поступать в середине 1990-х годов), но прежде всего о необходимости возвращения законных прав русскому некрополю на Пирейском кладбище, территория которого была произвольно урезана мэрией Пирея в 1971 году, в период режима «черных полковников» (1967—1974).

То было время поощрения грубого национализма: власти потребовали освободить лучший участок кладбища от «иностранцев». Судебные разбирательства продолжались до 1974 года. И хотя в том году режим пал, это не изменило ситуации.

Это очень трогательная история, и мы решили описать ее подробно.

В 1977 году мэрия потребовала окончательно очистить участок, разрешив оставить лишь 20 «исторических надгробий значительных лиц», на что выделялась территория размером 6 на 4,5 метра. В этих условиях СРЭ нашел единственное приемлемое решение: возвести на кладбище часовню св. равноапостольной Княгини Ольги, сделать в подклете мощевик и перенести туда останки из разрушенных русских могил.

Стены часовни предлагалось облицовывать мраморными плитами из вскрытых захоронений, что и было сделано. Так она и стоит в далекой Греции, одинокая часовня, облицованная надгробными плитами руками уже не молодых, но настоящих русских людей.

Часовня была достроена и освящена в 1980 году. Она стала последним делом старого СРЭ и, одновременно, памятником самоотверженности его последних членов, которые вскоре после этого ушли из жизни. Теперь никто, кроме России, не

EX LIBRIS

может позаботиться об ушедших. Между тем, по обоснованному мнению И. Л. Жалниной-Василькиоти, есть все необходимые условия и основания потребовать возвращения незаконно отнятых прав (кстати, другие иностранные общины, пострадавшие при сходных обстоятельствах, уже воспользовались такой возможностью).

Ответ — за Кремлем и Смоленской площадью. И очень хочется верить, что этот ответ будет положительным.

Книга И. Л. Жалниной-Василькиоти посвящена истории русского некрополя в Греции. Первые русские захоронения там возникли еще в конце XVIII века, а последние — в период Второй мировой войны. Однако значительная часть русских могил принадлежит представителям «первой волны» эмиграции, оказавшимся в Греции в 1919—1920 годах. Подчеркивается, что рецензируемая книга содержит наиболее полные данные о русском некрополе на греческой земле. ◆